

Часть I. Бог в пещере

Часть II, Глава 2 из книги Честертона «Вечный Человек» под редакцией Н. Л. Трауберг

Чтобы понять эту главу, надо вспомнить, в чем суть этой книги. Вся она держится на доказательствах, которые принято называть «*reductio ad absurdum*» («сведение к абсурду» (лат.)). Ведь я хочу показать, что положения рационалистов несравненно нелепее наших, а для этого надо хоть на время принять эти положения. Так, в первой части я допускал, что человек — животное, и он оказывался более достойным удивления, чем если бы я признал его ангелом. В точно таком же смысле я попытаюсь

сейчас допустить, что Христос был человеком.

Я отойду на время от моих собственных, гораздо более ортодоксальных взглядов и попытаюсь представить, что бы почувствовал тот, кто прочитал бы Евангелие как повесть о незнакомом человеке. Мне хотелось бы показать, что такое чтение (если оно и впрямь беспристрастно) приведет если не к вере, то к растерянности, из которой нет выхода, кроме веры. И потому в этой главе я отойду от духа моей веры, откажусь даже от тона, который счел бы наиболее уместным, и постараюсь встать на место гипотетического читателя, впервые открывающего Евангелие.

Нелегко воспринять Новый завет как новость. Очень и очень трудно принять Благовествование как весть. К счастью и к несчастью, Евангелие обросло для нас тысячами толкований и ассоциаций; ни один человек нашей цивилизации — как бы он ни относился к христианству — не может прочесть его так, словно никогда о нем не слышал. Конечно, Новый завет — не аккуратный томик, свалившийся с неба. Авторитет Церкви отобрал его среди обширной литературы ранних христиан.

Но сейчас я говорю о другом: нам трудно, почти невозможно читать все эти знакомые слова так, как они написаны, не соскальзывая к привычным ассоциациям. Должно быть, именно потому современные толкования Евангелия так далеки от истины; и мне кажется порой, что критики Нового завета никогда его не читали.

Все мы слышали много раз (люди, наверное, не устанут говорить об этом), что Иисус Нового завета — милостивейший и кротчайший из всех друзей человечества, но Церковь сковала Его гнусными догмами, окружила суеверными страхами и лишила человечности. Рад повторить, что это неизмеримо далеко от истины. Христос церковного Предания — кроток и милостив, у Христа Священного Писания немало и других черт. Конечно, и в Евангелии Он жалеет нас, и от красоты Его слов может разбиться сердце.

Но это далеко не единственные Его слова. В предании же, в тех образах, которые дает нам Церковь, Он говорит едва ли не только эти слова любви. Причина тому проста и безупречно правильна. Большинство людей — бедны, большинство бедных — унижены, и непременно нужно напомнить им о беспредельной жалости Господней. Этот дух сострадания — первое, что заметит и даже осудит безбожник в *Pieta* или в Сердце Христовом. Может быть, искусство уже Писания, но инстинкт его точен.

Страшно и представить себе статую Христа во гневе. Невыносимо подумать, что, обогнув угол, увидишь на рыночной площади это Лицо таким, каким видели Его порождения ехиднины. Не следует осуждать Церковь за то, что она показывает нам Его в другие, милостивые минуты. Но помните и поймите: тому, кто узнает о Христе от Церкви, Он покажется более мягким, чем тому, кто узнает о Нем из Писания. У человека, впервые открывшего Евангелие и ничего не слышавшего о Христе, сложится совсем другое представление.

Многое покажется загадочным, кое-что непоследовательным, но далеко не только кротость увидит и почувствует он. Евангелие захватит его и потому, что о многом придется догадываться, а многое потребует объяснений. Он найдет там немало насмешливых намеков, таинственных умолчаний, внезапных действий, без сомнения, очень значительных, но он не поймет их значения. Он увидит, что буря Иисусова гнева раздражается далеко не всегда там, где мы ожидаем. Петр церковного предания — тот, кому Христос говорил: «Паси агнцев Моих», — мало похож на того, кому Он крикнул в непонятном гневе: «Отойди от Меня, сатана!» Христос с любовью и жалостью плачет над Иерусалимом, который должен Его убить; мы не знаем, почему Он ставит ниже Содомы тихую Вифсаиду.

Я намеренно не касаюсь всех верных и неверных толкований, я просто хочу представить, что чувствовал бы человек, сделавший то, о чем нам столько твердили, — прочитавший Евангелие «без всех этих догм и доктрин». Я думаю, он нашел бы там немало такого, что покажется не правоверным, а кощунственным. Он увидел бы поистине реалистические рассказы, но только о том, что мы зовем сверхъестественным. Ведь Иисус Нового завета предстает «человеком дела» лишь тогда, когда изгоняет бесов.

Нет ничего кроткого и мягкого, нет ничего похожего на привычную для нас мистику в Его тоне, когда Он говорит: «Замолчи и выйди из него». Скорее тут вспомнишь властного укротителя или умного врача, умеющего сладить с опасным маньяком. Все это я говорю для примера, я не хочу ни спорить, ни объяснять; я просто описываю чувства человека, свалившегося с луны, для которого Новый завет — новый.

~~_____~~

